

Юридическая мысль в договорах «О приглашении королевича Владислава на Русское государство»

Н. М. Золотухина,

доктор юридических наук,
профессор, главный научный сотрудник

Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист РФ

В 1564/1565 гг. царем Иваном IV была введена опричнина, официально продолжавшаяся до 1572 г., но и после ее официальной отмены в политике репрессий, проводимой этим царем, существенных изменений не наступило. Система опричных мероприятий значительно изменила социальное, политическое и правовое состояние страны. Современник Ивана Грозного князь А. М. Курбский в числе основных признаков опричнины выделял: полное попрание законности, отсутствие правосудия, пренебрежение к справедливости и «прирожденным правам человека». В этом царствовании, утверждал он, «справедливый суд и защита исчезли в государстве, где давно уже нарушаются все законы и уставы святые»¹.

Курбский писал, что казни назначал не суд, а сам царь или его приближенные, а исполняли их, по прихоти тирана, не чиновники-палачи, назначенные на эту работу по должности, а простые люди по указанию царя («не палачами таковые действующе, но простых людей заставлял самих руки кровавить и резати человек по суствам»)². Результатом введения террористиче-

ского политического режима Курбский считал не только попрание закона и судебных процедур, но и падение авторитета царской власти, «стяжание злой славы от соседей и слезное нареkanie ото всего народа»³.

Крупный государственный чиновник дьяк Иван Тимофеев называл опричников «убийцами и градограбителями», а «самого царюющего» «рабобителем и мирогубителем»⁴. Иван Тимофеев считал, что начавшаяся в начале XVII в. гражданская война, спровоцировавшая нашествие интервентов, вторгшихся в Россию с захватническими целями, своими корнями уходит «в темные безобразия опричнины». Этот клубок завязался в то время, когда подверженный ярости царь «во гневе своем» «всю землю державы своя, яко секирою наполю разсече... и едины люди раздели, яко двоеверны сотвори», чем «смятя люди вся», вызвав «розгласие» в народе и «оно, начавшись в то время», продолжается «оттуду и до зде»⁵.

Страна, охваченная гражданской войной, стала ареной самозванческих интриг. На короткое время (одиннадцать месяцев) первому са-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 177.

² Курбский А. М. Предисловие к Новому Маргариту // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI в. С. 558.

³ Курбский А. М. История о великом князе Московском. М. : УРАО, 2001. С. 94—95.

⁴ Временник Ивана Тимофеева. М., 1951. С. 14, 178.

Иван Тимофеев был религиозным человеком, воспитанным в почитании законному властителю, особенно занимающему царский престол по наследственной преемственности (не захватчику), твердо усвоивший положение о том, что «не праведно о царюющем худым многословити... лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти» (см.: Временник Ивана Тимофеева. С. 17, 180), и поэтому он пишет, что не дерзает «нагло глаголением обнажити весь стыд венца его», но все же отваживается «вмале» и в «прикровении словес», объективно рассказать последующим поколениям соотечественников об этом царствовании (Там же. С. 23, 187). Потомкам, как представляется, не следует забывать об уроках истории, рассказанных этим умным и мужественным государственным чиновником.

⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 11—12; 174—175.

мозванцу — Лжедмитрию I, выдававшему себя за сына Ивана Грозного, удалось захватить трон Московского государства, но удержаться на нем он не сумел. 17 мая 1606 г. самозванец был свергнут в результате заговора, организованного боярином Василием Шуйским. «По убиении Ростригином начаша бояре думати, как бы сослатца со всею землею и чтоб ехали из городов к Москве всякие люди, и как бы по совету избирати на Московское государство государя, чтобы всем людем был», при этом они «умышляли избирать князя Василия Шуйсково»⁶. Но приглашенные из городов выборные люди не смогли приехать в Москву из-за волнений, охвативших большую часть территории страны. Бояр это не смутило, и у стен Кремля кандидатуру Василия Шуйского «выкрикнул» боярин Михаил Татищев и «без воля всеа земли по случаю некоему... спешно» был выбран Василий Шуйский «не токмо не советовав со всей землею, но и на Москве не ведяху многие люди»⁷. Бояре считали «за собой право распорядиться царством по своей великой породе»⁸; и они «взяша князя Василия на Лобное место, нарекоша его царем и пойдоша с ним во град в Соборную церковь Пречистые Богородицы»⁹, где новоизбранный царь, неожиданно для всех собравшихся, в том числе и выдвинувших его бояр, принес всему народу клятву с целованием креста, названную впоследствии «Подкрестной (Крестоцеловальной, Клятвенной) записью».

Царь Василий Шуйский поклялся, что в его царствование все подданные России (равно как и ее гости) будут наказываться только по закону и приговору суда, в соответствии с тяжестью своей вины («по своей вине»); члены семьи осужденного никаким личным опалам и конфискациям движимого и недвижимого имущества подвергаться не будут. Всякое дело подлежит предварительному расследованию, с вынесением приговора правомочным составом суда в присутствии обвиняемого, которому предоставляется право стоять пред судом «с очи на очи» и давать личные объяснения, т.е. практика вынесения заочных обвинительных приговоров, как и объективного вменения, получившая распространение в период опричнины, полностью прекращается; наказание виновному может быть определено только

приговором суда и в соответствии с тяжестью совершенного им правонарушения.

Особое внимание в этой «Записи» было уделено ложным доносам. Царь обязался не только не слушать ложных доносов, но и наказывать доносчиков-лжецов: «Сыскав того казнить, смотря по вине его: что было взвел не по делу, тем сам и осудится». Введение всех этих мер Шуйский объяснял необходимостью установления законности и правосудия в государстве для того, чтобы «православное христианство без вины не гибло»¹⁰.

Летописец выразил изумление самим фактом произнесения подобной клятвы: «Бояре же и всякие люди ему говорили, чтоб он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелось. Он же никою не послушал и поцеловал крест на том всем»¹¹.

Текст «Подкрестной записи» был помещен во всех документах, оповещавших народ о воцарении Василия Шуйского. Они рассылались «по всем городам и всям»; зачитывались в соборных церквях и на площадях городов, с тем чтобы содержание клятвы стало известно всему народу. Царь Василий Шуйский отнесся к своей клятве как к принятию нормативного документа, содержащего принципы отправления правосудия в государстве.

В. О. Ключевский высоко оценивал «Подкрестную запись», усматривая в ней политическую декларацию царя и, одновременно, важный юридический акт. В этой «Записи» царь Василий Шуйский принародно отрекся от прерогативы Ивана IV жаловать и казнить своих холопов по своей воле, а не по закону и суду. «Клятвенно стряхивая с себя эти прерогативы, Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя своих подданных, правящего по законам»¹². Факт принятия Василием Шуйским «Подкрестной записи» такого содержания, В. О. Ключевский рассматривал как «целую эпоху в нашей политической истории», а сам «обет» (клятву) — как смелый поступок царя¹³.

Л. В. Черепнин полагает, что этой «Записью» Василий Шуйский утверждал определенную политическую концепцию своего царствования, пообещав никого не подвергать опале безвинно и бессудно, не выдавать никого «недругам

⁶ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. С. 69.

⁷ Временник Ивана Тимофеева. С. 101, 274.

⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 227.

⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 69.

¹⁰ Текст «Подкрестной записи» приведен в «Новом летописце» и подробно изложен в «Ином сказании» (произведении, современном царствованию Василия Шуйского), в разделе «Запись целовальная, по которой сам царь целовал крест» (см.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). 3 изд. Т. XIII. Л., 1925. Стб. 71—72).

¹¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 69.

¹² Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 3 : Курс русской истории. С. 36—37.

¹³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 34—35.

в неправде» и всех подданных оберегать от незаконных насилий¹⁴. В. Б. Кобрин оценивает «Запись» Василия Шуйского как «первый робкий и неуверенный, но все-таки шаг к правовому государству»¹⁵.

Историк права В. А. Рогов утверждает, что «юридические гарантии неприкосновенности личности, изложенные в “Крестоцеловальной записи” представляют собою уникальное явление. Государство и личность осознают роль права в регулировании общественных отношений по настоящему глубоко без налета бытовой мистики»¹⁶. Он полагает, что «Запись» Шуйского является принципиально новым для истории России правовым документом, и сравнивает ее содержание со знаменитым Habeas Corpus Act, утверждая, что «аналогичный документ о защите прав личности и юридических гарантиях ее неприкосновенности был принят в Англии во время революции на 70 лет позднее»¹⁷. Действительно, принципы правосудия, изложенные в Великой Хартии вольностей и «Подкрестной (Крестоцеловальной) записи» Василия Шуйского весьма близки по своему содержанию¹⁸.

Если ранее Борис Годунов, вступая на царство, обещал всему народу благоденствие, заявив, что никто в его царствование не будет нищ и беден, то Василий Шуйский поклялся восстановить законность, обязывался не слушать ложных доносов, никого не наказывать без установления вины приговором суда.

Текст «Подкрестной записи» оказал существенное влияние на дальнейшее развитие права. Он вошел во все нормативные документы, принятые в Смутное время: сводный Судебник 1606/1607 гг., два Договора с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на Московское государство (4 (14) февраля и 17 (27) августа 1610 г.); нормативные акты, принятые «Седьмочисленным» правительством (Семибоярщиной); Приговор Земского собора первого Ополчения 30 июня 1611 г., причем в этих нормативных актах повторялся не только текст, но и словесные формулировки «Подкрестной записи» Василия Шуйского. Некоторые формулы «Подкрестной записи»

были заимствованы и составителями Соборного Уложения 1649 г. Принципы отправления правосудия, сформулированные Василием Шуйским, не исчезли и из более позднего законодательства; более того, их содержание не утратило своего значения и в настоящее время.

Трудно согласиться с оценкой современно-го исследователя В. Козлякова, усмотревшего в «Подкрестной записи» Василия Шуйского «лишь более подробное развитие первой статьи действовавшего Судебника 1550 г: «А судом не дружити и мстити никому»¹⁹. Полный текст этой статьи гласит: «Суд царя и великого князя сидити бояром, и окольниковым, и дворецким и казначеем, и диаком. А судом не дружить и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати»²⁰, и он не только не исчерпывает «Подкрестную запись», но в основе своей посвящен другим вопросам: определению состава центрального суда и запрещению брать посулы в процессе судопроизводства. Представляется, что царь Василий, учитывал содержание этой статьи, но она подверглась столь значительному расширительному толкованию, что вполне возможно ставить вопрос о новой концепции реализации правосудия в государстве.

Положение в стране в недолгое царствование Василия Шуйского было крайне неустойчивым. «Южная половина государства давно не слушалась Москвы; центр его был ареной Смуты», на окраинах также повсюду вспыхивали локальные восстания²¹. Самим фактом избрания Василия Шуйского были недовольны многие люди в России. Более того, «присяга царю Василию Шуйскому начала проваливаться на местах, посланных им людей не слушались, отсылали обратно, а то и вовсе расправлялись с ними»²². Среди боярства особое недовольство высказывали те, которые поддерживали Лжедмитрия I. Крестьянство и частично дворянство, особенно юго-западных окраин, пострадало от восстановления налогов, от которых оно было освобождено Лжедмитрием I. Гражданская война разгоралась все более, и остановить ее распространение новоизбранный царь не смог.

¹⁴ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XV—XVII вв. М., 1978. С. 153.

¹⁵ Кобрин В. Б. Лжедмитрий I // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 11. Спец. вып. : Смута в России. XVII в. С. 21.

¹⁶ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVI вв. М., 1995. С. 182.

¹⁷ Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки XI — середины XVII в.) М., 2006. С. 169—170.

¹⁸ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 128.

¹⁹ Козляков В. Н. Смута в России. XVII в. М., 2007. С. 187.

²⁰ Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 97.

²¹ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 348.

²² Козляков В. Н. Смута в России. XVII в. С. 193.

На фоне общего недовольства правительством продолжилась и самозванческая интрига. Из Путивля, так же под именем «законного» царевича Дмитрия, началось движение И. И. Болотникова, направившегося к Москве, со значительным по численности войском. Почти месяц повстанцы осаждали столицу, но, потерпев поражение, отошли к Калуге и затем к Туле. В результате многочисленных измен в стане восставших, а также удачного наступления правительственных войск под командованием самого Василия Шуйского, повстанцы были разбиты, а их вождь Иван Болотников казнен.

Почти одновременно появляется целая плеяда других самозванцев, связывавших свое происхождение с царской династией. Летописцы называли их «ворами», появившимися «дьявольским наущением... неведом откуда», отметив, что, несмотря на разные имена, они всегда обращались к «праведному кореню». Так «под Астраханью появилось сразу три вора: один назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третий назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын»²³. А в Стародубе в 1607 г. объявился еще один самозванец, «назвавшийся в Ростригино имя», т.е. царевичем Дмитрием, сыном царя Ивана IV. Кто он и «откуда взялся... отнюдь никто же не знаше; неведомо откуда взялся»²⁴. Москвичи называли его Лжедмитрием II. Он довольно быстро подошел к Москве, но взять столицу не смог, разбив свой лагерь в подмосковном селе Тушино, отсюда возникло его второе прозвание: Тушинский вор, под которым он и вошел в историю.

Положение Василия Шуйского осложнилось: возникло как бы два центра: один в Москве с законным царем Василием; другой в Тушине с Лжедмитрием II; причем каждый из них кон-

тролировал почти половину территории страны. Тушинский двор был организован по примеру Московского государства: в нем были своя Боярская дума и приказы. Духовную власть возглавлял митрополит Филарет (Федор Романов), захваченный тушинцами в Ростове Великом и нареченный ими патриархом²⁵. В Тушинский лагерь перебежали многие российские люди, среди которых были бояре, дворяне, дьяки, купцы, крестьяне и беглые холопы. Их прозвали «перелетами», потому что при переходе от царя Василия к Тушинскому вору они получали земли и чины, а зависимые люди свободу (отпускные); затем многие из них «перелетали» обратно к Василию Шуйскому и то же самое получали от него²⁶. Причем были и такие, которые в погоне за поместьями и чинами перелетали по нескольку раз. Такого размаха предательства Россия прежде не ведала²⁷.

В феврале 1609 г. Василий Шуйский заключил договор со шведским королем Карлом IX, по которому Швеция обязалась оказывать помощь российскому царю в борьбе с Тушинским вором, опиравшимся на польские военные отряды. За обещанную помощь Россия отдавала Швеции город Корелу. Шведские войска под предлогом исполнения договора вступили на русскую землю и оккупировали Новгород с прилегающими к нему землями, довольно скоро выразив намерение закрепить их за шведским королем.

Польша, бывшая в состоянии войны со Швецией, считала себя вправе открыто выступить против России, и вскоре войска Сигизмунда III Августа осадили Смоленск. Король призвал всех поляков явиться к нему в лагерь под Смоленск. Открытая война против России сделала ненужным для польского короля такого ставленника, как Лжедмитрий II, которого он ранее поддер-

²³ ПСРЛ. Т. 14. С. 75, 89.

²⁴ ПСРЛ. Т. 14.

²⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 175.

²⁶ Термин «перелеты» приписывается Авраамью Палицыну, который в своем «Сказании» подробно рассказал о том, как люди от царя Василия «перелетали» в Тушинский лагерь, а затем обратно к царю Василию, и делали это многократно «ни пять крат, ни десять в Тушино и к Москве переэжаху»; многократно целовали крест царю Василию, затем «прилогахуся к врагам в Тушино» и там целовали крест, потом опять «возвращахуся и паки у царя Василия болши прежнего почесть и дары и имения воспринимаху и паки к вору отъезжаху» (см.: Сказание Авраамия Палицына / подгот. и публ. текста О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.-Л., 1955. С. 119).

²⁷ О сложившейся ситуации в связи с «перелетами» свидетельствует Статейный список, принятый Боярской думой при царе Василии Шуйском о беглых холопах: «Которые холопы были в воровстве, и к государю добили челом, и даны им были отпускные, а после этого они опять збежали в воровство, и тех, которых возьмут на деле в языцах, и их казнити или старым боярам отдавати по крепостям, а прежним их отпускным не верити; а которые с нынешнего воровства прибежат к государю сами, и тех старым их боярам не отдавати, потому что они сами принесли вину свою» (см.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. № 58. С. 76). Это о холопах, которые «в воровство» бегали не по одному разу. Судьба дворян и бояр, служивших Самозванцам (первому и второму), а затем польскому королю Сигизмунду III и получавших от них чины и земли, решалась во многих последующих нормативных актах, принятых уже всенародно избранным царем Михаилом Федоровичем Романовым, посвященных вопросам о правовом режиме поместий, самовольно захваченных во время гражданской войны, а также полученных за службу у Вора, или розданных польским королем (см.: Там же. С. 79—101).

живал, так как с ним в Россию проникали польские войска. В Тушинском лагере начался раскол, поскольку многие поляки покинули лагерь, повинувшись приказу короля. Сам Лжедмитрий II, опасаясь за свою жизнь, бежал в Калугу, бросив не только свою «жену» Марину Мнишек, но и служившее ему русское боярство.

Тем временем польские войска под командованием С. Жолкевского продвигались от Смоленска к Москве, высланное им навстречу правительственное войско под командованием царского брата Дмитрия Шуйского в сражении под селом Клушино было разбито. Поражение правительственных войск вызвало некоторое оживление среди сторонников Лжедмитрия II, и самозванец с отрядом сохранившихся при нем тушинских казаков и примкнувших к ним частью польских войск снова подошел к Москве.

Положение царя Василия Шуйского в столице окончательно ухудшилось. «А житие его царское было на престоле царском всегда с бедами и с кручины, и волнением мирским, и за посох имаше, и позоривше его многажды»²⁸.

Тушинские бояре и дворяне, давно уже разочаровавшиеся в Лжедмитрии II, не хотели допустить ситуацию, при которой он мог бы занять престол Московского государства, однако после всех своих измен, они не хотели возвращаться и к царю Василию. Лучшим выходом из этой ситуации тушинские бояре посчитали приглашение на русский престол сына Сигизмунда III, польского королевича Владислава. От этого акта они ожидали: полного прекращения самозванческой интриги; занятия русского престола отпрыском знатного европейского дома; подписания мира с Польшей, снятия осады с многострадального Смоленска и восстановления порядков, существовавших до «Московского разорения».

В этих целях в январе 1610 г. многочисленное посольство, состоявшее в основном из тушинских бояр, возглавляемое М. Г. Салтыковым²⁹, отправилось под Смоленск в лагерь к польскому королю Сигизмунду III Августу, предложив ему подписать составленный русской стороной «Договор о приглашении королевича Владислава на Московское государство». В качестве неперемennого условия избрания «сына польского короля Владислава в цари» выдвигалось тре-

бование «не только сохранения древних прав и вольностей московского народа, но и прибавку новых, какими этот народ еще не пользовался»³⁰. В. Н. Козляков полагает, что этот Договор имел предварительный характер, а король Сигизмунд посчитал требования тушинских бояр, изложенные в нем, «невероятными» и «невыполнимыми», отложив исполнение условий Договора до тех пор «пока Божиим судом и его милостью Московское государство не будет передано в руки короля посредством переговоров, которые уже начинаются, или военной силою»³¹.

Отечественные публицисты, проанализировав позицию короля Сигизмунда III Августа, довольно быстро разгадали его желание самому захватить Московский престол и вообще все Московское государство. Неизвестный автор сочинения «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», адресуясь во все царство ко всем россиянам, писал, что король «сам хочет сие великое наше государство и в нем бесчисленное богатство взяти и владети... все наше Российское великое государство у себя в руках видит»³². Этот автор высказал удивление поведением членов посольства: «наши правители, ныне же близь рещи кривители», а «также и всех чинов люди» не распознали злых намерений короля и вели переговоры «с нашим навечным сопостатом», надеясь «на мирное совещание и на лучшее уложение».

В сочинении «Новая повесть...» сам факт приглашения польского королевича на российский престол рассматривался как совершенно недопустимое предательство интересов страны и всего русского народа: «чтобы от того гнилого и нетвердого горького и кривого корени и дерева в застени стоящего, — на него же, мню, праведному солнцу мало сияти и совершенной благодати от него не бывати... токмо за величество рода хотящую нам ветвь от него отвратити, и водою и духом совершенно освятится, и на высоком и преславном месте посадити иже всех мест превыше и славнее своим изрядством во всей поднебесной Вышняго волением» (в таких выражениях автор сравнивал Польшу с Россией). Анонимный публицист полагал, что только будучи слепыми или неразумными, как дети, можно было хотеть «на великий престол посадить королевича и ски-

²⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 214. См. также: Временник Ивана Тимофеева. С. 101, 108.

²⁹ «Посольство состояло из боярина М. Г. Салтыкова, из нескольких дворян столичных чинов и из полдюжины крупных дьяков московских приказов. В этом посольстве не встречаем ни одного яркознатного имени, но в большинстве своем это были люди не худых родов. Зброшенные личным честолюбием или общей смутой в бунтовской полурусский-полупольский тушинский стан, они, однако, взяли на себя роль представителей Московского государства» (см.: *Ключевский В. О. Указ. соч. С. 38*).

³⁰ *Ключевский В. О. Указ. соч. С. 38—39*).

³¹ *Козляков В. Н. Смута в России. XVII в. С. 281*.

³² Новая повесть (РИБ. Т. 13. Стб. 193).

петр Российского царства ему вручить» и ждать от него исполнения наших законов³³.

В России такой практики никогда не существовало, и усвоить ее общественным сознанием было затруднительно и, в какой-то степени, даже невозможно, так как подобное новшество представлялось изменой не только отечественной династии, но и всему Русскому государству.

Подмены королевича Владислава его отцом, самим королем Сигизмундом III Августом, по-видимому, опасались и члены посольства, о чем свидетельствует постатейное, практически нормативное изложение текста Договора 4 (14) февраля 1610 г. с четким определением прав и обязанностей, возлагаемых на приглашаемого на русский престол польского королевича Владислава. За несколько лет (довольно бурных) менталитет русских людей существенно изменился, и они посчитали необходимым требовать от претендента на престол уже официального заключения соглашения с «общественным множеством», с перечислением прав и обязанностей носителя верховной власти по отношению к нему.

В. О. Ключевский с полным основанием называл этот Договор «разработанным планом государственного устройства» с установлением порядка «верховного управления», в котором «русская политическая мысль» достигает очень высокого напряжения³⁴. Договор был торжественно подписан в присутствии обеих полномочных сторон.

Договор должен был обеспечить гарантии сохранности целостности и независимости Российского государства, утверждение существующих политических порядков (в первую очередь формы правления) и охрану личных и имущественных прав всего «московского народа», а также отправление правосудия по законам Российского государства.

Всего четыре года тому назад россияне были недовольны попыткой законного ограничения верховной власти Василием Шуйским в сфере правосудия, но за это время они «переменили мысли и хотели еще более ограничить верховную власть, уделяя часть ее не только боярам в правосудии и в налогах, но и Земской думе в гражданском законодательстве»³⁵.

В Договоре, названном «Договорные статьи Польского короля Сигизмунда III Августа с Московскими боярами, с одобрением предложен-

ных ему условий, на основании которых желают они избрать на Московский престол сына его, королевича Владислава»³⁶, прежде всего излагалось требование о сохранении христианского вероисповедания в православной конфессии. Королевич Владислав должен был принять православие и венчаться на царство по русскому обычаю: «чтобы государь царь и великий князь на Московское господарство короновался, або венчался, царским венцом и диадемою, в Москве от руки патриарха Московского, стародавним обычаем, як прошлые господары Московские на православное государство Московское короновались» (ст. 1). Соглашаясь с этим требованием, Сигизмунд III отлагал его исполнение до установления в Москве тишины и спокойствия и до вступления Владислава «в совершенные лета».

Церковь оберегалась от вмешательства в ее дела и судебные функции со стороны светской власти в лице не только самого главы государства, но и его чиновников: «В sprawy теж духовные вдаваться не будут, и в духовные дела и уставы Отцов святых и апостольской церкви вступатися не хочут» (ст. 3). Привилегии церкви и ее имущество объявлялись неприкосновенными. В Договоре утверждалась необходимость сохранения в «целости» всех церквей и монастырей с прежним порядком службы и обеспечения «всех церковных слуг» и даже выражалось пожелание, адресованное Владиславу, о прибавлении «церквям и монастырям отчизн и оброков» (ст. 4).

«Отводити» христиан «от Греческой веры в Римскую, и ни в которую иную веру», не разрешалось, равно как и принуждать силой к какому-либо вероисповеданию, мотивируя данное положение тем, что «вера есть дар Божий, и никого от веры силою отводити альбо примушати не годится». Для русских, литовских и польских людей «вера вольна быти имае» (ст. 2). В такой форме, соответствующей религиозному и правовому сознанию средневекового человека, в России впервые нормативно провозглашалось *право свободы вероисповедания*.

В качестве *формы правления* утверждалась сословно-представительная монархия, со всеми присущими ей элементами: монарх — глава государства, при нем Боярская дума как высшее распорядительное и исполнительное учреждение, и представительство всех чинов, выбранных

³³ Н. К. Гудзий рассматривает «Новую повесть» как «подметное письмо», автором которой был образованный приказной дьяк [Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1953. С. 340].

³⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 39—41.

³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 3. Т. 12. С. 143; Примечания к Т. 12. Гл. 3. С. 98. Под формулой «Земская дума» М. Н. Карамзин в данном случае имеет в виду Земский собор.

³⁶ Текст Договора здесь и далее цитируется по его публикации в издании «Акты, относящиеся к Западной Руси» (далее — АЗР) [СПб., 1846—1853. Т. 4. № 180. С. 314—318].

«ото всех земель» и «изо всех чинов» — Совет «всея земли», т.е. Земский собор (ст. 18), обладающий одновременно законосовещательными и законодательными функциями, принимающий основные законы государства, а также решения по наиболее важным вопросам государственно-правового строительства: принятие новых законов, определение общего количества и размера взимаемых налогов, численного состава войск, суммы средств, необходимых на их содержание, объявление войны, заключение мира и т.п.

В. О. Ключевский усматривал в распределении компетенций между властями «целый основной закон конституционной монархии», в котором впервые в России представлен проект разделения властей: «Земскому собору договор усвоил учредительный авторитет; ему же принадлежал и законодательный почин... Дума имеет законодательную власть: вместе с ней государь издает обыкновенные законы... Думе принадлежит и высшая судебная власть»³⁷.

Налоговую политику предлагалось сохранять «по давнему обычаю», оставляя прежнее количество всех налогов и сборов в ранее установленных размерах. Введение новых податей предусматривалось только в определенном порядке, с согласия «думских чинов» (Боярской думы) и их последующим утверждением Земским собором. Причем заранее оговаривались условия возможного налогообложения с учетом ситуации «Московского разорения». Незаселенные места запрещалось облагать податями; а с пострадавших от войны местностей предлагалось налоги списать вовсе («а которые города от войны спустошили, до тех пошлет государь его милость списати [налоги] и доведати много ль чего убыло»), а с тех, что уцелели и были «не воеваны», напротив, суммы поборов увеличить. В том случае, если город не пострадал от военных действий, то возможно к его «першим податкам прибавити», но решить этот вопрос следует только по совету «з бояры и з думными людьми» (ст. 14).

Владиславу запрещалось лишать людей поместий и вотчин по своей воле. В случае смерти землевладельца и отсутствия у него наследников вопрос о передаче земельных владений (вотчин и поместий) должен разрешаться государем по согласованию с думными боярами, т.е. высшим административно-судебным органом. Без такого решения государь «ничего чинити не будет», т.е. распоряжаться землей он может только по предусмотренному в этом Договоре порядку (ст. 11).

Будущему государю не предоставлялось право по своей воле понижать великих людей в чинах, а меньших рекомендовалось возвышать

только по заслугам и согласованию с Боярской думой. Польским и литовским людям не разрешалось занимать определенные государственные должности («Польским и Литовским панам и по городах воеводств и урядов не давати»), но предоставлялось право, с общего совета обоих государств, награждать их денежным жалованьем и поместьями за службу, которая будет им доверена. Насильственное, равно как и добровольное, но самовольное (без разрешения властей) переселение в Литву российских подданных запрещалось: все крестьянские переходы «до Литвы с Руси, а из Литвы до Руси» государь не должен разрешать (ст. 16).

Особо оговаривались те статьи Договора, в которых излагались требования, касающиеся положения служилых людей: власть обязывалась сохранять в прежнем размере «денежные оброки, поместья и отчины, хто, что имел перед тем» (ст. 5); платить жалование служилым людям без уменьшения размера сумм и в те же сроки, «як перед тем бывало от прежних господарей» (ст. 6). Выплата денежного жалованья для чиновников и служилых людей центральных ведомств должна обеспечиваться «господарской казной»; уездное дворянство жалование получает «с городов» (ст. 7). Договор не содержал упоминаний о кормленческих службах и доходах с них, что свидетельствует об учете его составителями реализации губной и земской реформ местной власти и судебной системы.

Возвращение утраченных земельных владений лицам, безвинно пострадавшим в период гражданской войны («убавлено без вины») предусматривалось в судебном порядке, с рассмотрением всех обстоятельств дела. Служилому человеку, утратившему поместье в связи с гражданской войной либо нашествием и грабежом польских военных отрядов, надлежало обращаться с жалобой (иском) в соответствующий приказ, и дело по существу должно рассматриваться в судебном заседании «с боярами думными», причем предусматривалась процедура установления правильности исчисления размера утраченных владений.

Если Владислав задумает по своей воле наградить человека, у которого в результате гражданской войны «спустошены отчины и поместья», то этот вопрос может быть решен положительно только с утверждения всего Земского собора³⁸.

Совершенно очевидно из этих статей, что приглашенный государь делит свою власть с Боярской думой и Земским собором и ему не предоставляется право принимать самому решения по ответственным вопросам государственно-правового строительства.

³⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 40.

³⁸ Земский собор, как правило, назывался «Советом всея земли».

Большое внимание уделялось в Договоре *реализации в стране правосудия*.

Содержание Договора в области правосудия повторяло положения «Подкрестной Записи» Василия Шуйского, но охватывало более широкий круг вопросов, касающихся методов реализации судебной власти в центре и на местах на основании действующего законодательства. Договор включал требования конституционного характера, предусматривающие необходимость восполнения любых пробелов в тексте самого Договора и вообще в законодательстве только в соответствии с ранее принятым порядком: «по обычаю Московского государства».

Для принятия нового закона либо внесения изменений в существующее законодательство необходимо было подать челобитную на имя «его королевской милости» — Владислава, который обязан рассмотреть, предлагаемый законопроект «с патриархом, и всем Освященным собором, и с боярами и дворянами и всех станов людьми» (Земским собором) и в конечном счете принять закон (повторено еще раз) «с патриархом и со всем Освященным собором и со всею землею» (ст. 18)³⁹. Та же процедура предусматривалась в том случае, если инициатива будет исходить от самого королевича Владислава (уже в роли русского царя).

Судам предписывалось осуществлять правосудие по принятым в России законам. В Договоре содержалось запрещение наказывать «людей всех чинов» (любого российского подданного), «не сыскав вины», т.е. не проведя расследования и не осудив судебным приговором: «Не осудивши судом с боярами всеми никого не карати, чести з них не брати, на вязенье (под стражу. — Н. З.) не засылати, поместья и отчизны не отыймовати» (ст. 11). Ответственности за совершенное преступление подлежало только лицо, виновность которого устанавливалась судебным приговором. Объективное вменение не допускалось, и невиновные члены семьи никаким опалам и наказаниям подвергать не разрешалось: «А жены, дети, братья, которые того учинку не помогали и не ведали, альбо не произволяли, казнены быть не мают», и отчизны и поместья у них конфискации не подлежат (ст. 11).

Представляется, что в этих статьях безусловно наличествовали конституционные положения, касающиеся принятия законодательства и его утверждения, а также непосредственных способов реализации правосудия. Сами составители Договора придавали ему значение конституционного акта, содержащего общегосударственное устройство и принципы реализации правосудия.

Впервые в законном порядке разрешалось всем подданным Московского государства посещать другие христианские государства для науки или торговли. В Договоре специально подчеркивалось, что за такой отъезд никто из них, никакой ответственности подлежать не будет: «Господарь его милость отчизн и местностей у них за то отыймовати не будет» (ст. 11).

При порядках, имевших место при Иване IV, посещение зарубежных стран по частной инициативе приравнивалось к государственной измене. Андрей Курбский упрекал Ивана IV, что он «затворил царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал... в чужие земли... ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то казнишь страшной смертью»⁴⁰. Договор 4 (14) февраля 1610 г. предоставлял право свободно выезжать в любое христианское государство «опричь бусурманских и поганских» не только высшим сословиям, а «любому человеку из народа Московского». Посещение стран Западной Европы в период наивысшего расцвета в них культуры, искусства и просвещения (эпоха Возрождения) стало доступным для всех подданных Российского государства.

Пленников польских, литовских и русских, как «служивых, так и неслуживых», попавших в плен из-за «теперешней разрухи», предлагалось немедленно и безвозмездно вернуть на родину, независимо от их сословной принадлежности, пола и возраста (ст. 12).

Ряд статей касались международных отношений. Между Московским государством и Польшей заключался оборонительный и наступательный союз против общих врагов. На татарских границах предполагалось держать совместные войска.

При подписании Договора стороны целовали «святой, животворящий крест», и русское посольство от имени всего народа, обязывалось «верно и правдиво служить и прямить и во всем добра хотеть» королевичу Владиславу, до прибытия которого в Россию весь народ Московского государства обязывался «служить и прямить и во всем добра хотеть отцови его, господару нашему нынешнему, наяснейшему королю Польскому и великому князю Литовскому Жигмонту Ивановичу»⁴¹. Намерение короля Сигизмунда III Августа из этих строк выступало недвусмысленно.

Дореволюционные историки придавали большое политическое и юридическое значение Договору (4) 14 февраля 1610 г. С. Ф. Платонов признавал, что в февральском договоре сослов-

³⁹ АЗР. Т. 4. № 180. С. 316.

⁴⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 172.

⁴¹ АЗР. Т. 4. № 181. С. 317.

но-представительная монархия была «четко обозначена... ограничением единоличной власти Владислава думой, судом бояр и «советом всея земли»⁴². В. О. Ключевский особо подчеркивал юридическое оформление Договора и введение в правительственную практику принципа разделения властей, а также определение с достаточной полнотой компетенции судебной власти⁴³.

Тем не менее столь высокие оценки Договора, заключенного 4 (14) февраля 1610 г., не помешали его исследователям, как дореволюционным, так впоследствии и советским, признав его конституционным, охарактеризовать содержание названного Договора как консервативное. Так, В. О. Ключевский, признав Договор 4 февраля «основным законом конституционной монархии, устанавливающим как устройство верховной власти, так и основные права подданных», определил его, как «совершенно консервативный, настойчиво оберегающий старину»⁴⁴. С. Ф. Платонов также усмотрел в нем «национально-консервативное направление»⁴⁵, а советский историк Л. В. Черепнин даже посчитал его «антипартийным, антинародным по своему характеру проектом русско-польского договора... о подданстве Владиславу»⁴⁶.

Не представляется возможным согласиться со всеми этими суждениями. О каких «консервативных тенденциях» или «антинародном характере»⁴⁷ возможно говорить, если тот же академик Л. В. Черепнин пишет, что «в обстановке распада и иноземной интервенции идея Земского собора мыслилась как гарантия государственного и *национального* (курсив мой. — Н. З.) единства страны» и что в этом Договоре «политически Россия мыслится как сословно-представительная монархия, возглавляемая государем и Боярской думой, вместе с которой он решает все дела», в нем «впервые законодательно определена роль “земли” как верховного сословного органа»⁴⁸. При этом Л. В. Черепнин не отрицает, что авторы Договора с русской стороны были знакомы с текстом Литовского статута и польско-литовскими политическими порядками, так что вряд ли их можно было бы назвать консерваторами⁴⁹.

Предполагаю, что названные положения, зафиксированные в статьях Договора, никак не могут быть оценены как консервативные и тем более реакционные, напротив, их характер ско-

рее свидетельствовал о прогрессивном и даже, в определенной мере, демократическом направлении воззрений его составителей, предусматривающих будущее государственно-правовое строительство, нежели «возврат к старине».

В социальную программу относительно положения крестьян и холопов действительно не вошло никаких новелл по сравнению с прежним российским законодательством, но следует учитывать сложную ситуацию в стране, при которой менять что-либо в такой накаленной обстановке было бы опасно во всех отношениях, так как существовала реальная возможность перессорить между собой разные сословные группировки господствующих классов.

Представляется, что в оценке Договора сложилась определенная традиция, рассматривающая его прежде всего как отступление от национальных интересов, заключавшееся в самом факте призвания на российский престол иноземца — королевича Владислава. Подобная практика была весьма распространенной в странах Западной и Восточной Европы и не представляла собой ничего исключительного и тем более реакционного. В Польше давно сложилась традиция приглашения государя Сеймом из других стран, и образованные представители русской стороны отнеслись в данном случае к решению этого вопроса по-европейски.

Члены посольства приняли все меры, чтобы приглашение носителя верховной власти из другого государства с хорошим династическим европейским происхождением не повлияло на религиозные, политические и особенно юридические порядки, существовавшие к тому времени в Русском государстве, усматривая в этом сохранение суверенитета как внутри государства, так и в его внешнем статусе. Именно по этой причине в Договоре так часто употреблялись выражения «по прежнему обычаю», «как было прежде» и т.п., что отнюдь не означало безоговорочную «защиту старины», а служило лишь гарантией сохранения национальной самобытности, политических и правовых традиций, существовавших в России и, главное, ее суверенитета. К тому же ряд политических и юридических порядков, которые желала сохранить русская сторона, имели как раз прогрессивный характер: форма правления (сословная монархия) и принципы отправления

⁴² Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 323

⁴³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 40.

⁴⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 42.

⁴⁵ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 323.

⁴⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 158.

⁴⁷ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 323.

⁴⁸ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 158—159.

⁴⁹ Представляется, что наличие явных противоречий в оценке государственно-правового содержания Договора определяется политическим режимом, при котором жил и писал академик Л. В. Черепнин.

правосудия, провозглашенные в «Подкрестной записи» Василия Шуйского. Они скорее были новацией для России, причем навеянной знакомством с европейскими порядками и законами.

В Договоре от (4) 14 февраля 1610 г., как и в предыдущих нормативных актах, вводившихся в силу после опричнины, весь правоприменительный комплекс рассматривался достаточно подробно, с введением наиболее существенных общественных и политических отношений в правовые рамки посредством употребления соответствующих формул, предусматривающих необходимость решения всех дел в государстве «по закону» и «по суду», сопровождавшихся требованием соблюдения законов Российского государства всеми ее подданными, как тогда говорили, «с головы и до ног». Этот факт является непреложным свидетельством достаточно высокой юридической культуры составителей Договора, стремившихся внедрить правовые основы в общественную жизнь страны.

На оценку Договора 4 (14) февраля 1610 г. современными исследователями часто оказывает влияние тот факт, что в России в дальнейшем не сложилось условий, при которых статьи этого Договора могли бы полностью реализоваться, но это уже другой вопрос, не имеющий отношения к оценке уровня присутствующей в нем юридической мысли.

Февральский Договор 1610 г. устанавливал политическую систему государства с такой формой правления, как *сословная монархия*; его содержание не допускало восстановления политического режима, подобного опричнине. В статьях Договора «были сформулированы права и преимущества всего московского народа», а также достаточно четко выражена «идея личных прав, столь мало заметная у нас прежде». В нем провозглашался незыблемым принцип равно для всех суда, согласно которому все русские люди «судятся по закону и никто не наказывается без приговора суда»⁵⁰.

Юридический режим земельных владений сохранялся прежним; право занятия высших должностей в государственном аппарате оставалось за привилегированными сословиями страны, но в области обеспечения правосудия, налоговой политики, положения мелкого служилого дворянства и даже гарантированном праве выезда для науки и торговли за рубеж учитывались интересы «всего народного множества».

С. Ф. Платонов отметил, что все требования относительно гарантирования в стране *правосудия* королем Сигизмундом III Августом были приняты без каких-либо ограничений, при этом

историк подчеркнул, что они получили свое выражение именно в формулировках «Подкрестной записи» Василия Шуйского⁵¹.

Таким образом, содержание Договора с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на Русское государство от 4 (14) февраля 1610 г. показывает высокую юридическую подготовленность его составителей и прогрессивный характер политико-правового содержания, очевидно, свидетельствуя о переломе, произошедшем в отечественном политическом и правовом сознании.

Составители Договора выражали надежду, что его заключение позволит прекратить гражданскую войну; снять тяжелую осаду со Смоленска; посадить на русский престол наследственного отпрыска королевского рода, а не сомнительного самозваного претендента; достичь мира между двумя враждующими государствами.

В целях выполнения уже подписанного Договора о приглашении королевича Владислава на Московский престол бояре решили детронировать Василия Шуйского, понимая, что иначе этот Договор не мог бы быть реализован. К этому времени недовольство царем Василием достигло своего предела. Но было ли это недовольство стихийным или организованным боярами, причем теми же самыми, которые и возвели Василия Шуйского на престол? Летописец отвечает на этот вопрос однозначно. Он приписывает боярам сложную политическую интригу, обвинив их в соглашении «с воровскими полками» (теми, которые были на стороне Лжедмитрия II) и получении от них согласия об оставлении ими Тушинского лагеря в ответ на обязательство со стороны бояр о сведении с престола «Московского царя Василья» и организации выборов всем народным множеством «соопча государя» на Россию.

Таким образом, по мнению летописца, бояре нейтрализовали тушинские войска, не дав им войти в Москву и захватить престол во время сведения с него Василия Шуйского. Далее он подробно описал саму процедуру детронирования царя: 17 июля «Захарей Ляпунов да Федор Хомутов на Лобное место выехавша и з своими советники завопиша на Лобном месте, чтобы отставить царя Василья. К их же совету присташа и многие воры и вся Москва внидоша во град и бояр взяша и патриарха присташа на Лобном Ермогена насильством приведоша его в Москву к Серпуховским воротам и начаша вопити, чтоб царя Василья отставити. Патриарх же Ермоген укрепляше их и заклинаше. Они же отнюдь не уклоняхусь и на том положиша, что свести с царства царя Василья»⁵². Несмотря на протест

⁵⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 39.

⁵¹ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 322—323.

⁵² ПСРЛ. Т. 14. С. 99—100.

со стороны патриарха Гермогена, Василий Шуйский был свергнут, насильственно пострижен в монахи и отправлен в Чудов монастырь⁵³.

С. Ф. Платонов полагает, что собравшееся на Лобном месте «народное собрание» было выражением уже сложившегося противоборства в боярской среде по вопросу о занятии трона после свержения царя Василия: с одной стороны, в качестве претендента выступал князь В. В. Голицын, опиравшийся на братьев Ляпуновых «со своими рязанцами», намеревавшимися «князя Голицына на господарстве поставити»; с другой — И. Н. Салтыков, «имевший за спиной Филарета» и других тушинских бояр, остававшихся верными предложенному в Тушине на трон Русского государства королевичу Владиславу. «Народное собрание», по мнению, С. Ф. Платонова, было вовлечено в свержение Шуйского и «в суждение о том, кому наследовать престол царя Василия». Однако в результате этого «противоборства» власть удалось захватить третьей стороне, «принадлежащей к высшему боярскому кругу», которая и сформировала «боярское олигархическое правительство», возглавляемое князем Ф. И. Мстиславским⁵⁴. Правительство это, названное «Седьмочисленным» (или Семибоярщиной) по количеству входивших в его состав лиц, не намеревалось «восхитить на себя» всю власть, в его задачи входило проведение выборов царя.

Трудность данной ситуации заключалась еще и в том, что многие московские высокие чины, а также бояре и дворяне не «перелетавшие» в Тушинский лагерь, не желали принять Договор, «составленный «воровским боярством в королевском стане». Соглашаясь в принципе с кандидатурой королевича Владислава, они хотели, чтобы он был избран на условиях, предложенных непосредственно полномочным московским правительством и по сложившимся традициям. С. Ф. Платонов усматривает здесь выражение намерения действовать по принятым в Московском государстве обычаям, согласно которым требовалось, во-первых, заключение нового договора, уже от имени самого Московского правительства, и, во-вторых, избрания Владислава Земским собором («Советом всея земли»)⁵⁵.

Боярское правительство сразу же издало «Окружные грамоты», отправленные по городам, в которых утверждался законный порядок сведения с престола Василия Шуйского. В них сообщалась, что «дворяне и дети боярские всех

городов, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и казаки, и посадские люди, и всяких чинов люди всего Московского государства, поговоря меж себя и услыша украинских городов ото всяких людей, что государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси на Московском государстве не любят, и к нему, к государю, не обращаются, и служить ему не хотят, и кровь крестьянская межуособная льется многое время, и встал отец на сына и сын на отца, друг на друга и, видя всякие люди Московскому государству такое конечное разоренье, били челом ему, государю, всею землею, всякие люди, чтоб государь государство оставил для межуособной брани и для того, которые от него государя, боясь опалы, или которые его государя не любя, и к нему к государю и ко всему Московскому государству не обращаются, и те б все были в соединении и стояли б за православную крестьянскую веру, все заодно». В «Окружных грамотах» неоднократно подчеркивалось, что решение было принято «всея землей» и инициаторами его явились «всех чинов люди Московского государства»⁵⁶.

Подобные грамоты не только сообщали о сведении с престола царя Василия, но и содержали обращение от имени «людей всей земли», призывающее всех россиян «стояти заодно» «всею землею» и отстаивать независимость своего государства⁵⁷.

В целях законного избрания Владислава на русский престол бояре сразу же после свержения царя Василия с престола (17 июля 1610 г.) решили созвать Земский собор, но, поскольку «лютый пожар», разгоревшийся по всей стране, не утихал, то, как и ранее, при выборах Василия Шуйского, выборные не смогли приехать в Москву, и бояре посчитали возможным ограничиться только теми москвичами, которых им удалось собрать в основном в Москве, что и было констатировано летописцем: «На Москве же бояре и все людие московские, не сослався з городами, избраша на Московское государство Литовского королевича Владислава»⁵⁸.

Боярское правительство со своей стороны более всего беспокоилось о занятии престола Лжедмитрием II или каким-либо иным самозванцем. В связи с этим его глава, князь Ф. И. Мстиславский, обратился к гетману С. Жолкевскому с просьбой защитить Москву от Лжедмитрия II. Жолкевский выразил согласие и «соединенное русское и польское войско (под его командо-

⁵³ ПСРЛ. Т. 14. С. 100; Т. 37. С. 175.

⁵⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 432—433.

⁵⁵ Указ. соч. С. 344.

⁵⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук: в 4 т. (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 162. С. 277—280.

⁵⁷ Козляков В. Н. Смута в России. С. 300—301.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 100—101.

ванием) отогнало самозванца от Москвы, а в ночь на 21 сентября 1610 г. с тайного согласия бояр Жолкевский вступил со своим отрядом в Кремль»⁵⁹.

Московское государство оказалось во власти польского военного гарнизона. Поляки бесчинствовали в Москве, грабили и убивали горожан, «посекоша множество людей», так что «по всем рядам и улицам выше человека труп человекъ лежаше»; во многих местах поляки устраивали пожары, спасаясь от которых многие москвичи «побегоша вси с Москвы»; последним оплотом, в котором можно было укрыться от бесчинств поляков, стал хорошо укрепленный Симонов монастырь, где «последние люди Московского государства седоша в осаде и начаша дожидаться ратных людей под Москву»⁶⁰.

Боярское правительство, желая скорейшего прекращения грабежей и бесчинств, творимых в Москве поляками, все еще продолжало связывать свои надежды на стабилизацию обстановки, с воцарением королевича Владислава, в связи с чем посчитало необходимым заключить *новый Договор*, уже по всем правилам от имени «всей земли», который должен утвердить *факт его избрания* русским царем.

В обстановке оккупации столицы польскими войсками Боярским правительством 17 (27) августа 1610 г. был заключен второй договор, получивший известность под названием «*Приговорной записи*»⁶¹. Польскую сторону, по поручению короля Сигизмунда III Августа, представлял гетман Станислав Жолкевский; Россию — официальный орган — «Седьмочисленное» правительство. Этот новый Договор, как полагает С. Ф. Платонов, был утвержден «своего рода Земским собором» неполного состава, собранным «на началах представительства не по земскому выбору, а по правительственному избранию», о чем Боярское правительство и оповестило народ в своих грамотах⁶². С текстом этого нового Договора и двумя вверительными грамотами — к королю и королевичу было отправлено под Смоленск Великое посольство с целью подтверждения *избрания* на Московское государство королевича Владислава. В состав Великого посольства вошли «вси бояре, и окольные, и дворяне, и дьяки думные, и стряпчие, и жиль-

цы, и дворяне с городов, и головы стрелецкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и казаки, и пушкарки, и всех чинов служилые и жилецкие люди Московского государства»⁶³, а также представители провинциального дворянства из ряда городов. Такой широкий состав «Великого посольства» как бы демонстрировал участие в заключении этого Договора «всей земли», что русской стороне представлялось залогом окончательного прекращения Смуты и русско-польской войны, а также московских беспорядков, чинимых польским гарнизоном, расположившимся в столице и провинциальных городах России.

«Приговорная записка», как и первый Договор от 4 (14) февраля 1610 г., также была составлена по статьям, имевшим нормативный характер, предусматривающим, «по которой мере быть на Российском государстве» королевичу Владиславу.

Текст этих статей в основном являлся повторением Договора от 4 (14) февраля 1610 г., заключенного тушинскими боярами под Смоленском, но были в нем некоторые дополнения и сокращения.

Прежде всего подтверждались все требования относительно сохранности православного вероисповедания и почитания всех «церквей на Москве и по городам», равно как и всех лиц «священнического и иноческого сану». Вносились уточнения относительно строительства «костелов и молебных храмов... для иных разных вер». Такие храмы запрещалось ставить по городам и селам, а разрешалось возвести только один костел в Москве «для людей Польской и Литовской веры», которые будут служить королевичу Владиславу. Сохранялось запрещение «отводить... православных христиан от греческие веры в римскую и ни в какую иную веру... и жидам в Российское во все господство с торгом и ни с которыми иными делы не ездити».

Повторялось запрещение самому Владиславу и всем светским чиновникам «вступаться в духовные и всякие святительские дела», в том числе и церковную юрисдикцию.

Королевичу Владиславу также предписывалось «креститься в православную христианскую веру греческого закона». Об этом сообщалось

⁵⁹ Тихомиров М. Н., Дмитриев С. С. История СССР. М., 1948. Т. 1. С. 152.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 108—109.

⁶¹ Сборник государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), 1819. Т. 2. № 199. С. 391—465. См. также: Сборник Русского исторического общества. М., 1913. Т. 142. С. 93—109. «Приговорная записка» была составлена в двух экземплярах, один из которых сохранился в подлиннике за подписью гетмана С. Жолкевского, а другой, подписанный русской стороной, известен в списках. Оба варианта опубликованы в СГГД II и в Сборнике Русского исторического общества. Т. 142.

⁶² Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 349. См. также: Козляков В. Н. Смута в России. С. 299—301; ААЭ. Т. 2. № 162. С. 277—280.

⁶³ СГГД II. № 199. С. 391—392. Здесь приводится полный текст «Приговорной записи», на статьи которой в дальнейшем даны все ссылки в тексте настоящей статьи.

в самом конце «Приговорной записи», в то время как первый текст Договора от 4 февраля 1610 г. начинался именно с этого положения.

Более подробно упоминалась иерархия всех светских служб и чинов на Москве, которую предлагалось оставить «по-прежнему».

В «Приговорной записи» содержался также и перечень должностей, запрещенных для занятия польскими и литовскими людьми, составленный более конкретно. Так, им не разрешалось быть «у земских росправных дел (в судебном ведомстве. — Н. З.); по городам в воеводах и в приказных людях», а также «в наместничестве и старосте городов». Польским и литовским людям было предоставлено право нести службу в порубежных городах совместно с русскими людьми «до достаточного успокоения» государства. В случае верной службы королевичу Владиславу и России они могли быть награждены жалованьем и поместьями «кто чего достоин», наряду со всеми московскими людьми разных чинов, в соответствии с обычаями, «которые были в Московском государстве». Устанавливались сроки выплаты жалованья служилым людям и всякого иного довольствия из государевой казны также «по-прежнему обычаю».

Новым было требование о соблюдении словных прав и привилегий московских княжеских и боярских родов, которых запрещалось «теснить» и «понижать в должности и чести» приезжими иноземцами. «Жалованье денежное, оброки, поместья и отчины, хто что имел до сих мест, и тому быти по-прежнему; родительских отчин ни у кого не отымати и впредь всяких людей Российского государства жаловати, смотря по службе и хто чего достоин». Защищались также и права иноземцев, которые проживали в России, приехав на службу еще «к прежним Московским государем».

Все вопросы, касающиеся перераспределения земельных наделов — поместий и вотчин («кому прибавлено не по достоинству» или «убавлено без вины»), предписывалось разрешать только в судебном порядке, с проведением соответствующего расследования всех обстоятельств дела. Также через судебную процедуру должны решаться вопросы о судьбе земельных наделов, оставшихся после смерти бездетного владельца: «государю с приговору и с совету бояр и думных людей, а без Думы и приговору таких дел не совершати».

Порядок принятия законов предусматривал необходимость обсуждения и утверждения их текста Земским собором. Тщательно прописывалась вся процедура прохождения законопроекта: от законодательной инициативы до принятия закона. «А будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, на то поволити, з Думою бояр и всее земли, чтоб было все пра-

ведно». Текст статьи «Приговорной записи» относительно принятия законодательства совпадает с формулами «Подкрестной записи» Василия Шуйского и проектом Договора с польским королем от 4 (14) февраля 1610 г. не только по смысловому содержанию, но и по терминологическому его воплощению.

Принципы отправления правосудия в этом проекте Договора изложены более подробно: в нем предписывалось «на Москве и по городам суду быти и совершаться по-прежнему обычаю и по судебнику Российского государства». Специально оговаривалась недопустимость внесудебных расправ: «умышлением никаким, ни засылкою шкоты никакой (т.е. ложного доноса. — Н. З.) и убивства над людьми Московского государства не делати, и дворов, животов, и иного ничего у всяких людей не отымати». Если кто-либо «из которого чину нибудь» за действия свои «в государских и земских делах» будет достоин наказания, то его вину следует установить судом надлежащего состава — «осудивши наперед с бояры и с думными людьми» и определить ему наказание приговором суда в соответствии с его виной, «а не сыскав вины и не осудиши со всеми боярами, никого не казнити, и чести ни у кого не отнимати, и в заточенье не засылати, поместий, вотчин и дворов не отнимати».

Подтверждалось также запрещение объективного вменения относительно родственников осужденного лица: «Жены, дети, братья, которые того дела не делали и не ведали и не хотели, и тых не казнити (не наказывать), чести ни у кого не отнимать, и в заточенье не отсылать, поместий, вотчин и дворов не отнимать». Все дела предписывалось решать только в судах с вынесением приговора, утвержденного «советом бояр и всих думных людей», а «без Думы и приговору таких дел не совершати».

Королевич Владислав (в будущем российский царь) и все его чиновники, равно как и все московские люди, обязывались во всем следовать законам и не устраивать бессудных расправ, подобных тому, «как на Москве ростригу убили всим Московским государством, и в ту пору многие Русские люди побиты от Польских и Литовских людей, а от Русских людей также побиты Польские и Литовские люди, и того дела впредь не вчинять, и не мстити с обеих сторон». В данном случае довольно четко выражено требование о соблюдении законности в государстве, начиная с носителя верховной власти Московского государства — королевича Владислава и его приближенных и заканчивая всем народом.

Положения, касающиеся налоговой политики государства, полностью повторялись, также с указанием о предоставлении льгот городам и селам, которые «от войны запустели», и прибавлением размера податей «на невоеванные места». Всякие

нововведения, касающиеся определения общего числа и размера налогов («если доведется прибавити»), допустимы только с утверждения их Боярской думой и «всим народным множеством», т.е. Земским собором.

Подтверждалось и требование о содействии торговле между Россией и Польшей: купцам обеих сторон предписывалось не чинить препятствий, сохранять прежний размер таможенных пошлин и оберегать всех торгующих людей «от насильства» со стороны чиновников.

«Приговорная запись» оставляла крепостные отношения без изменений: «Бояром и дворянам и всем чыном держати крепостных людей по прежнему обычаю, по крепостям». В ней также сохранялся запрет на переход крестьян «в Литву з Руси и з Литвы на Русь».

Численность казаков на Волге, Дону и Яике, как и в предыдущем договоре, должна определяться Владиславом по согласию «з бояры и з думными людьми». Социальный статус низших слоев казачества также оставался без изменений.

Положения, касающиеся международного права, сохранялись неизменными: оба государства — Россия и Польша должны «пребывать в миру, в дружбе, в любви навеки недвижно»; против недругов «стояти обоими государствами заодно». На границах (особо оговаривались татарские украинны) предлагалось содержать «обоих государств ратных людей». Подтверждалась и необходимость безвозмездного обмена («без выкупу») Россией и Польшей всех людей (военных и гражданских), попавших в плен во время военных действий.

Гетману С. Жолкевскому и королевичу Владиславу вменялось в обязанности вывести войска из всех городов, занятых польскими и литовскими людьми и Вором, и вернуть их к тому положению, в котором они находились «до нынешнее смуты». Такого требования в предыдущем договоре не содержалось.

Гетман С. Жолкевский принимал на себя обязательства отвести от Москвы Яна Сапегу с его войском, а Вора, «што называется царевичем Дмитрием, изымати или убити», а затем и самому с войском, находящимся под его командованием, отойти «от стольного города Москвы к Можайску» и там ожидать прибытия королевича Владислава. В Договоре содержалось требование о запрещении впускать в Москву «без позволения бояр и без дела... Польских и Литовских и Немецких и всяких ратных людей...». Марине Мнишиковне запрещалось называться государыней Московской и предлагалось выслать ее в Польшу.

Гетман С. Жолкевский со своей стороны обязался просить короля Сигизмунда III Августа прекратить осаду Смоленска.

Из этих требований, изложенных в Договоре 17 (27) августа 1610 г., усматривается, что русская сторона вполне отдавала себе отчет в намерениях короля Сигизмунда и всячески старалась предотвратить все еще возможную оккупацию Московского государства польскими войсками.

Современные исследователи полагают, что Договор, заключенный 17 (27) августа 1610 г. («Приговорная запись»), «носит более консервативный и аристократический характер», по сравнению с Договором 14 февраля⁶⁴. В качестве доказательства такого вывода приводятся два соображения: в «Приговорной записи» отсутствует статья о праве московских людей выезжать за границу для обучения или торговли и исключено положение о возможности повышать людей «меньших станов за заслуги».

Сопоставляя содержание обоих Договоров, В. О. Ключевский пришел к выводу о том, что «правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами» (историк подразумевает в данном случае состав Тушинского посольства)⁶⁵.

Эти соображения требуют некоторых уточнений. Статья о праве выезжать за границу всем Московским людям действительно не повторена, но нет и правового запрета на посещение «иных стран» или каких-либо ограничений, касающихся данного нововведения. По-видимому, на практике выезды за рубеж «для торгового промысла или иного, какого своего дела» получили широкое распространение. В «Приговорной записи» предусматривались правила торговли между Россией и Польско-литовским государством, подразумевающие их посещение жителями обоих государств, т.е. реализацию ими права свободного выезда за границу. Впоследствии в Соборном Уложении 1649 г. устанавливается правовой порядок оформления выезда «в иное государство, которое с Московским государством мирно». Статья 1 гл. VI содержала предписание, обращенное к воеводам, обязывающее их «давати проезжие грамоты без всякого задержания». Статьи 2—6 этой же главы излагали правила оформления подобных выездов, сопровождаемые санкциями за их нарушение⁶⁶. Эти нормативные положения свидетельствовали о практической реализации провозглашенного Договором от 4 (14) февраля 1610 г. права «всего народа Московского государства» выезжать в другие христианские страны и отсутствии какого-либо нормативного запрета на его осуществление. В Уложении 1649 г. про-

⁶⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 163; См. также: Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 352.

⁶⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 41.

⁶⁶ Соборное Уложение 1649 г. Гл. 6. Ст. 2—6; Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 92.

цедура осуществления этого права была введена в юридические рамки.

Статьи, предусматривающие повышение за заслуги людей «меньших станов», не исключены из текста «Приговорной записи», а даны в иной редакции: литовских и польских людей, которые будут служить королевичу, награждать «по достоинству, кто чого достоин», но с ограничениями, перечисленными в перечне должностей, которые им дозволялось занимать в Московском государстве. Московские люди всех чинов: «бояре, окольные, дворяне, дьяки думные, стольники, стряпчие, дьяки, всякие приказные люди, дети боярские, гости, торговые люди, стрельцы, козаки, пушкарники и всех чинов служилые и жилацкие люди» должны содержаться «по достоинству, в чести и жалованье и в милости». Поскольку в этом списке практически перечислены все чины Московского государства от великих и до малых (от бояр и до стрельцов, пушкарей и жилацких людей), то выражение содержать «по достоинству» не исключало и предоставление достойным людям, принадлежащих к различным сословным группировкам, соответствующих должностей.

Однако при всех замечаниях в адрес Договора 17 (27) августа 1610 г., В. О. Ключевский и Л. В. Черепнин отмечают, что большая часть статей, касающихся государственного устройства (формы правления), была оставлена неизменной. Л. В. Черепнин подтверждает, что «правовые основы сословно-представительной монархии в целом и там и здесь представлены одинаково»⁶⁷. Высшая власть в государстве сохранена в прежней структуре: глава государства — монарх (обязательно православный и венчаный патриархом), при нем Боярская дума и представительный орган — Земский собор для решения наиболее важных вопросов государственно-правового строительства. В «Приговорной записи», утверждает Л. В. Черепнин, нашли свое выражение все «политические и правовые представления о сословно-представительной монархии»⁶⁸.

Этот факт имел положительное значение, ибо сословная монархия являлась на данный момент наиболее прогрессивной и отвечающей интересам всего Московского народа формой правления.

«Приговорная запись» специально оговаривает необходимость утверждения Земским собором любых изменений в законодательстве, равно как и принятия новых законов, а также всех наиболее значимых решений, касающихся государственно-правового строительства.

Положения, касающиеся осуществления правосудия, не только сохранены, но и расширены

с подчеркиванием распространения их на всех людей Московского государства, а не только привилегированные сословные категории. Судебная система соответствует такой форме правления, как сословно-представительная монархия, поскольку в ней принимают участие все учреждения, наделенные соответствующими полномочиями. В числе центральных судебных органов названы: монарх, Боярская дума, Земский собор и приказы; местных — выборные губные и земские органы власти и суда, т.е. полностью учитывался результат реализации губной и земской реформ 30—50-х гг. XVI в.

Основанием всего судопроизводства провозглашался действующий Судебник, внесение изменений в который «зависит от Государя, Думы Боярской и Земского собора». Государственных и гражданских преступников предлагалось наказывать «единственно по осуждению Царя с Боярами и людьми Думными».

В «Приговорной записи» явно принимались меры к пресечению внесудебных расправ над людьми Московского государства и недопустимости осуждения и применения наказания по доносам («всяким шкотам»). В вопросах, касающихся осуществления правосудия, повторялись обязательства верховной власти, данные Василием Шуйским в «Подкрестной записи», но в некоторые ее положения вносились новеллы. Так, в Договоре 17 (27) августа 1610 г. содержались требования соблюдения законности не только властями, но и всеми подданными, сопровождаемые указаниями на невозможность в противном случае установления порядка и «праведного» правосудия в государстве.

Владиславу никакой самостоятельности в государственном управлении, равно как и в отправлении правосудия, не предоставлялось. В целях ограждения подданных от возможного «самоволия» со стороны властвующей персоны (от которого население страны так сильно пострадало в предшествующие царствования и особенно в годы опричнины) будущий носитель верховной власти практически все вопросы, касающиеся государственно-правового устройства и реализации судебной власти, должен был решать совместно с советом бояр и думских людей, а наиболее важные из них — непосредственно с Земским собором.

Следует учесть, что война еще не окончилась, Смоленск был осажден, в Москве хозяйничали поляки, принося неисчислимые бедствия населению столицы; в провинции рыскали отряды Яна Сапеги и Владислава Лисовского, разоряя и грабя местных жителей. В такой атмосфере составители документа должны были учитывать настро-

⁶⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 163.

⁶⁸ Указ. соч. С. 167.

ения, распространенные в обществе (что они и сделали, отгнав поляков со всех значимых должностей в Московском государстве), но при этом постарались не нанести обиды польской стороне, с которой они намеревались заключить договор о мире и дружбе «навечно».

С учетом всех этих характеристик «Приговорную запись» трудно оценивать как документ «консервативный и аристократический».

Но все произошло не так, как хотели ее составители. Переговоры членов посольства с польским королем были трудными, поскольку члены посольства ставили своей задачей добиться воцарения Владислава, а король Сигизмунд III старался заменить кандидатуру Владислава собственной персоной. Однако члены Великого посольства на такую замену согласия не давали и твердо держались условий Договора 17 (27) августа.

Сигизмунд III Август открыто заявил, что он не собирается выполнять условия «Приговорной записи», заключенной с гетманом Жолкевским, поскольку они его не устраивают по причине значительного ограничения прерогатив верховной власти, и поэтому он не намерен снимать осаду со Смоленска и будет продолжать войну, требуя его сдачи польским войскам. Договора с Сигизмундом не получилось, посольство было им раскисировано: часть его вернулась домой; В. В. Голицын и Филарет были пленены и отправлены в Польшу; другая часть «предалась королю» и «прошаху у него честей, поместий и вотчин и жалованья. Он же им лестию даваше все». Сигизмунд III начал «от своего имени давать повеления Боярской думе, награждать царской казной своих доброжелателей, жаловать чины и поместья». Временное боярское правительство «исполняя волю короля... предписывало Шеину сдать Смоленск, Шеин не повиновался, объявив, что он готов присягнуть Владиславу, а королю Смоленска не отдаст». Ситуация грозила обернуться «всеобщей войной»⁶⁹.

В Москве обстоятельства складывались не лучшим образом. Гетман С. Жолкевский, захватив Москву⁷⁰, «государевой казной всей нача владети и литовским людям давати»⁷¹, а затем, взяв с собой всю казну и царя Василия Шуйского со всей его родней, отправился под Смоленск к королю. «О горе и люто есть Московскому государству!

Како не побояшся Бога, не помня своего крестного целования и не постыдися ото всея вселенныя сраму... Самохотением своим отдаша Московское государство в Латыни и государя своего в плен», — подвел летописец итог происшедшим событиям⁷².

В Москве тем временем хозяйничали поляки под командованием Александра Гонсевского, назначенного королем Сигизмундом представителем его самого, а не королевича Владислава. Поначалу жители российской столицы терпели тяжести оккупации, ожидая, что с воцарением Владислава все изменится к лучшему, но жестокий «штурм Смоленска ошеломил москвичей, только что присягнувших Владиславу»⁷³, к тому же «королевские войска вели себя в России как в завоеванной стране: лилась кровь, пылали города и деревни»⁷⁴.

Русские люди наконец осознали, что пора им самим защищать свое Отечество, не надеясь более на Временное боярское правительство, которое скорее их предало, нежели защитило. Автор «Новой повести...», упомянутой выше, прямо обратился к народу с призывом «вооружиться на общих сопостат наших и врагов и постоять вкупе крепостне за православную веру и за Святые Божии церкви и за свои души и за свое Отечество и за достояние еже Господь нам дал, и избрать славную смерть: аще и будет нам, то и по смерти обрящем Царство Небесное и вечное, нежели zde бесчестное и позорное и горькое житие под руками враг своих»⁷⁵. Он уверен, что в настоящее скорбное время народу надеяться не на кого, ибо «наши благородные зглушили... нас всех выдали, да и не только выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружились вкупе и хотят нас всех погубити и веру христианскую искоренити». Простым людям необходимо, заключает этот автор, «...мужаться и вооружаться и совет между собой чинить, как бы нам от тех врагов своих избыти»⁷⁶. Такой призыв «ко всему людскому множеству» мог возникнуть только в условиях, когда «народное множество» не только сложилось, но и осознало себя как силу, способную постоять за себя и свое Отечество. Разложение центрального аппарата власти, подпавшего под полный контроль польских властей, разочаровало народ и способствовало возникновению представлений, что только

⁶⁹ Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 г. Петрозаводск, 1997. С. 301.

⁷⁰ С. Жолкевский практически не захватывал Москву, его впустили вместе с войском бояре «от синклита четыре человека», которых он уверил в том, что черные люди «хотят пустити Вора в Москву» (ПСРЛ. Т. 14. С. 102).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 103.

⁷² ПСРЛ. Т. 14. С. 103.

⁷³ Скрынников Р. Г. Лихолетье. М., 1988. С. 490.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 498.

⁷⁵ Новая повесть (РИБ. Л., 1925. Т. 13. С. 189).

⁷⁶ Новая повесть. С. 210.

сами россияне являются единственной силой, способной спасти свое Отечество.

Таким образом, сложившаяся ситуация, усугубляемая желанием короля Сигизмунда III Августа подменить кандидатуру Владислава собственной персоной и его очевидным стремлением объединить оба государства под своей властью, исключила исполнение каких-либо договоренностей с ним.

Исторически не сложилось условий для реализации Договоров о приглашении королевича Владислава на Русское государство и признании его русским царем. Но необходимо отметить, что в этих документах русская политическая и, особенно, юридическая мысль достигла высокой квалификации, представив разработанный план организации верховной власти в государстве (формы правления) и сформулировав основополагающие принципы реализации правосудия, значение которых не померкло и в свете настоящего времени.

Такая ситуация не стала единичной в истории Русского государства и русского права. В 1730 г. при отсутствии прямых наследников на замещение трона на него была приглашена племянница Петра, дочь его брата Ивана Алексеевича — курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Ровно так же, как и при приглашении Владислава, князьями Д. М. Голицыным и В. Д. Долгоруким были составлены условия, при соблюдении которых предлагалось ей царствовать, с той лишь разницей, что Договоры с Владиславом имели публичный характер, а эти условия, получившие название Кондиций, были составлены тайно. Их составители также имели намерение ограничить верховную власть, но теперь уже не словесным представительством, время которого прошло, и в России в качестве формы правления была утверждена в правовой форме (Артикул воинский 1715 г.) абсолютная монархия, но тем не менее условия, разработанные в Кондициях приближали ее по статусу к ограниченной монархии, поскольку также содержали конституционные положения.

При императрице учреждался советный орган — Верховный тайный совет, без согласования с которым она практически не могла принимать никаких серьезных решений, касающихся государственно правового строительства. Кондиции содержали всего восемь пунктов, но довольно

значительных по содержанию. Они запрещали императрице без согласования с Верховным тайным советом объявлять войну и заключать мир, вводить новые налоги и подати; отнимать и жаловать поместья и вотчины; самовольно назначать в придворные чины иноземцев и русских; употреблять по своему почину казенные деньги. На нее налагалась обязанность содержать своих подданных в милости. Неисполнение этих условий грозило Анне Иоанновне «лишением короны российской»⁷⁷.

По содержанию Кондиции уступали обоим Договорам о призвании королевича на русский престол, но тем не менее они все-таки содержали конституционные требования и существенно ограничивали произвол царствующей персоны, ибо Анна Иоанновна должна была управлять государством не единолично, а совместно с Верховным тайным советом. Не вдаваясь в подробности, в чьих классовых интересах составлялся этот документ, все-таки необходимо признать, что его реализация существенно ограничила бы вседозволенность императорской власти. Но этого опять-таки не случилось.

Существенное ограничение полномочий верховной власти произошло только в результате принятия Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», которым абсолютная монархия в России превращалась в конституционную.

Однако отсутствие условий реализации различных проектов (договоров, кондиций и т.п.) государственно-правового строительства не является причиной того, чтобы не изучать их содержание, в противном случае придется согласиться с мнением тех ученых (зарубежных и некоторых российских), которые продолжают и по сей день утверждать, что средневековая Россия — страна, «погруженная во мрак невежества, в связи с тем, что она была полностью отгорожена от Запада с его Ренессансом и Реформацией»⁷⁸. Некоторые из них отрицают существование Земского собора, а Боярскую думу характеризуют как слабый консультативный орган⁷⁹ и, более того, утверждают, что законов в западном смысле слова в России не было, а существовала только мстительная средневековая юстиция⁸⁰. В числе «основных черт русской средневековой жизни» называют: «пассивность, сервелизм, пренебрежение к правам человека (disregard for human

⁷⁷ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 192—193.

⁷⁸ Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.) М., 1958. С. 9—11.

⁷⁹ Такое мнение было высказано вполне доброжелательной по отношению к России исследовательницей И. Мадаригой (Мадарига И. «Вновь обращаясь к Ивану Грозному». Тезисы доклада, прочитанного 8 мая 2004 г. в собрании Общества «Британия — Россия» [Лондонский университет]. Статья переведена и опубликована О. А. Омельченко [Ежегодник истории права и правоведения. Femis. Вып. 5. М., 2004. С. 16—31]).

⁸⁰ Kaiser D. P. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton University. 1980. P. 308.

rights), отделившие Россию от всего остального мира»⁸¹.

Между тем в России за относительно короткий период времени были созданы такие сборники законов, как Судебник 1497, 1550, 1589 и 1606/1607 гг., и целый корпус нормативных указов, постановлений и уложений, регулирующих общественные отношения во второй половине XVI в.

Наше законодательство высоко оценивал посол австрийского императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн⁸².

Только на базе хорошо разработанного законодательства и его усвоения общественным сознанием могли появиться такие документы, как «Подкрестная запись» Василия Шуйского, значение которой не померкло и в настоящее время, и Договоры нормативного характера с польским королем Сигизмундом III Августом, определявшие форму правления и принципы реализации правосудия в государстве.

Подробное изучение существовавших в отечественном Средневековье государственных институтов, законодательных установлений, практики реализации верховной власти, организации и отправления правосудия (судоустройства и судопроизводства), а также содержания политических и правовых произведений мыслителей и публицистов позволяет не только воспользоваться опытом прошлого, но и предметно возразить исследователям, утверждающим,

что в России «периода древнемосковской государственности», в отличие от Западных стран, не было четко разработанных политических понятий, и даже усматривающим опасность «в попытках обобщить и систематизировать материал и выстроить единую картину развития общественно-политических и прочих идей московского периода»⁸³.

Историк права Ю. П. Титов видел задачу историков государства и права в отстаивании тезиса о том, что государственность в России в своем формировании и развитии прошла те же этапы, что и в странах Западной Европы: раннефеодальная — сословно-представительная — абсолютная монархия, «развиваясь в русле мировой цивилизации»⁸⁴.

Анализ Договоров с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на русский престол позволяет предметно возразить вышеприведенным точкам зрения, доказав, что политические и правовые идеи, распространенные в Московском средневековом государстве, нашедшие свое нормативное выражение в этих документах, отнюдь не являются «слабыми и неукоренившимися» (М. Б. Плеханова), а, напротив, характеризуются «высоким напряжением политической мысли» (В. О. Ключевский), получившим конкретное и вполне квалифицированное с юридической точки зрения выражение в этих правообразующих документах⁸⁵.

⁸¹ Carr F. Ivan the Terrible. Newton-Abbott-L., 1981. P. 138.

⁸² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 109, 118—119.

⁸³ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 8—9. Необходимо отметить, что идеи, относящиеся к древнерусскому периоду и Московскому государству, имеют существенные различия, даже во временном периоде их существования. Но и применительно к Древнерусскому государству не считаю возможным их охарактеризовать как «слабые и неукоренившиеся», имея в виду таких мыслителей и публицистов, как Киевский митрополит Иларион, великий Киевский князь Владимир Мономах, митрополит Климент Смолятич, Туровский епископ Кирилл и, наконец, Даниил Заточник (XIII в.) — с одной стороны, а с другой — такое законодательство, как Русская Правда во всех ее редакциях.

⁸⁴ Титов Ю. П. Проблемы российского абсолютизма // Сборник научных трудов ВЮЗИ. М., 1983. С. 13.

⁸⁵ Надеюсь, что эти документы с ярко выраженным политико-юридическим содержанием будут включены в учебные курсы по истории государства и права России.